

Экран и сцена. — 1992. — 10-17 сент.
 Сандрина БОННЭР: (N34-35) —
 с. 13.

«ЧУТЬ БЫЛО НЕ СТАЛА ЦВЕТОЧНИЦЕЙ»

Сандрина Боннэр — везучая звезда французского кинематографа. Достаточно посмотреть «Невинных» Андре Тешине или «Под солнцем Сатаны» Мориса Пиала, чтобы убедиться — везучесть эта заслуженная. Ибо она — талантливая актриса. Впрочем, только с таковыми и беседует французский журнал «Cahiers du cinéma». Видержки из беседы актрисы и директора журнала Сержа Турбина мы предлагаем вашему вниманию.

— Скажите, что должна чувствовать женщина-актриса, читающая в журналах опусы критиков на свою работу?

— Я читаю мало газет. Нахожу их крайне амбициозными. Многого вообще не понимаю (смеется).

— Я говорю о статьях по кинокритике.

— Я не понимаю оценок. Критики, как правило, говорят только «хорошее кино» или «плохое кино». И никаких причинно-следственных связей. Я не слишком примитивна?

— Подождите. Значит, критики говорят только «хорошо» или «плохо»? И все? Чертовски обидно это слышать.

— Да. То же делают и дикторы на телевидении. Скажем, готовится передача о Тешине. Это живой, реальный пример. Ведущий представляет его новую картину с моим участием: «Хорошо, б-э... Так вот... Боннэр. Вы сделали кино сложное, черное, с проблемами. Хорошо сделали... б-э...». И все. Ничего презентация, да? У кого-нибудь появится после этого желание идти смотреть Тешине?

— Ладно, оставим тему критики. Такой вот совсем простенький вопрос. Какие качества режиссера вам кажутся самыми нужными для актера? Профессионализм? Характер?

— Вы называете не самое интересное. Главное качество режиссера — это «умение» представить актеру то, что ему надо будет делать в фильме, которого еще нет. И это «умение» — интересоваться изображением актера на экране. Очень редкое качество режиссера. А ведь процесс создания кино начинается задолго до знакомства мастера с актером и заканчивается много позже монтажа и первого просмотра.

— Вы любите самовыражение в роли?

— Наоборот, всегда стараюсь отстраняться от образа. И иногда едва узнаю свое собственное изображение. Предпочитаю играть персонажей, которые далеки от меня.

— Сколько нужно времени, чтобы составить впечатление от режиссера? Сколько вы обычно говорите с ним?

— Я вообще ни с кем не люблю разговаривать долго. Перед съемками «Под солнцем Сатаны», Пиала мне сказал о моей роли только то, что нужно сыграть юную карьеристку, которая через пять-шесть лет станет редактором журнала. Этого оказалось достаточно. Мне нужна быстрая, схематичная характе-

ристика. Проникновение в «сокровенную глубину персонажа» меня только отвлекает. В этом нет никакой свободы. А вообще предпочитаю работать с молодыми режиссерами типа Оливье Ланглуа. Он такой ребенок-режиссер. Нежный-нежный. А я не люблю совершенство.

— Как вы выбираете сценарий?

— Мне сценарии никогда не интересны. Они не имеют отношения к кино. Выбираю такие, которые можно кромсать по ходу работы, как душе угодно. Не люблю «историй», где есть начало, середина и конец. Они не оставляют свободы выбора: в них все «просуфлировано» актеру заранее: кому где стоять, что говорить, как целоваться.

— Вы любите работать над несколькими фильмами одновременно?

— Работая, не люблю зажигаться от другой «спички». Могу думать только о том, что делаю в эту секунду. В крайнем случае — в следующую.

— Вы далеки от ваших героинь. Означает ли это, что вы холодны в роли?

— Просто в кино я делаю то, что не могу позволить себе в обычной жизни. То есть так бы сама никогда не поступила. Если снимаюсь в любовной сцене, то совершенно честно влюблена. И совершенно искренна перед вами. Более того, я не помню и не знаю, что будет в следующей сцене, которую учила наизусть. Не помню и не вспоминаю! У меня на глазах — завеса незнания.

— Когда вы любите кого-то в «кадре», что вы делаете, чтобы «любить»? Пытаетесь остаться женщиной или профессиональной актрисой?

— Нет, нет, минимум техники. Иначе не будет никакой любви, а только катастрофа из-за проваленного сюжета. Хотя очень много зависит и от партнера. Не люблю сцен с поцелуями, по моему разумению, они «топорны». И предпочитаю включать инстинкт. Он провоцирует на то, что невидимое, еле уловимое делается зримым и чувственным. Вообще же нет больше удовольствия, чем сниматься в любовных сценах! Для меня идеальна мечта сняться в каком-нибудь фильме про счастье. Сегодня все склонны сочинять сюжеты «черные» и проблемные. Но разве в жизни не осталось ничего простого и чистого? В простую вещь очень важно и очень интересно вложить эмоцию.

— И что, во всей Франции

нет сценариев о светлой любви?

— Не знаю. Правда, любовь — сложное, истязающее, изнуряющее чувство, но и в самой изнуряющей есть светлейшие моменты. Каждый стоит жизни! Так неужели один такой момент света не достоин фильма?

— Ваши персонажи вас чему-то учат?

— Да. Научил фильм Пиала «Под солнцем Сатаны». Там девушка — героиня покончила с собой. Самоубийство — самый тяжелый грех. И самый дерзкий вызов миру. Посметь оборвать собственную жизнь! И не в состоянии аффекта, но на чистую голову. Я спрашивала себя, почему человек боится смерти? Что стоит за ней? Это совсем другой мир? Снимаясь в этой сцене, я пыталась постигнуть, что смерть — это должно быть хорошо!

— Вы нервны по натуре?

— Да, очень.
 — На каком этапе своей карьеры вы чувствовали себя лучше всего?

— В самом начале, когда снималась в «Нашим возлюбленном». У меня была тогда огромная, огромная любовь. Больше никогда в своей жизни я не любила человека много старше себя. А ведь самое уникальное в любви, по моему мнению, — разница в возрасте. Между сверстниками не может быть той нежности, того доверия, той отчаянной боязни потерять друг друга.

— Любовь кончилась...

— Вы знаете. Любовь с женщиной в возрасте хороша еще и потому, что почти безнадежна. Даже если люди рискуют порвать с условностями, которые их окружают, они не в состоянии оставаться друг с другом всю жизнь. Им уже заранее отведено разное время. Понимаете, о чем я говорю! Конечно, бывает совершенно непредсказуемые случаи и ситуации. Я знаю множество таких. Но в большинстве своем этот «сорт любви» драматичен и обречен на кратковременность. И именно в драматичности его прелесть, уникальность и обязательная законченность сюжета. Как в хорошем, очень «дорогом» кино.

— Поговорим о другой любви, творческой. Скажите, вы считаете, что, снимаясь в кино, нужно обязательно любить его создателя?

— Любить вообще обязательно. Тогда можно не просто работать, а сканать по потолку.

— Таковы ваши отношения с Морисом Пиалом?

— Кажется, они обоюдно идеальны и совершенно восторженны! И кажется, даже почти семейны. По крайней мере к Пиала я испытывала нормальные чувства, что главенствуют в семье: уважение, привязанность, страх нарушить традицию, страх сломать что-то в своем уютном гнездышке. Пиала еще и друг. То, что я не смогу рассказать своему отцу, я расскажу Морису.

— Это ваш «единственный» режиссер?

— Еще я очень люблю Тешине.

— Вы предпочитаете все-таки определенный тип режиссеров или особый тип фильмов?

— Не понимаю, почему нельзя «сложить» все вместе. Тот же Пиала, например, — идеальный режиссер по складу характера и соответственно моим требованиям. Однако и фильмы его при всей своей разности «однотипны»: дорого оплачиваются, славятся гениальным сюжетом, замечательными актерами.

— Кино — ваша единственная страсть?

— Сейчас да. А когда-то по большей страсти я чуть не стала цветочницей!

— Кем?

— В ранней юности я училась в колледже. Тогда всех девушек страшно тянуло на освоение какого-нибудь ремесла (хочет). И у меня был выбор между искусством парикмахерши и цветочницы. Из меня получилась бы неплохая цветочница!

— Может быть, и стоило ей остаться?

— Во всяком случае — это занятие, которое больше приносит, чем требует. То есть почти все профессии в мире — профессии, дающие тебе. Кроме комедианства. Быть актрисой — значит отказаться от самой себя. Ничего для себя, все для профессии. Понимаете?

— Как? А цветы, слава, влюбляющиеся мужчины, что еще?

— Нет, нет, вы не поняли. Это все атрибуты профессии актера. Это принадлежности профессии. Камера, натура, режиссер, слава, цветы. Даже цветы не для себя, а для профессии.

— Сколько вам лет, Сандрина? Я имею в виду не год рождения, а душевные ощущения возраста?

— Мне всегда двадцать.
 Перевела с французского
 Натэла МЕСХИ.

● Сандрина Боннэр с Морисом Пиалом.